

ВОЛОГОДСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

© Е. Ф. ЮГАЙ

В статье рассматриваются мифологические и христианские истоки обращений к телу умершего в похоронных и поминальных причётах Вологодской области.

Ключевые слова: похоронные и поминальные причитания (причёты) Вологодской области, заговоры, мифологическое растерзание, постоянные эпитеты, отрицательный параллелизм.

Материал нашего исследования – тексты похоронных и поминальных причитаний, записанных на территории Вологодской области. Носители фольклорной традиции этих мест называют причитания *причётами* [1].

В похоронно-поминальных причётах показан человек в момент перехода из мира живых в мир мертвых. Понятия *человек* и *тело* близки, но не совпадают. В мифологии антропоморфизм проявляется, в первую очередь, в сходстве строения существа, мира или предмета с человеческим *телем*, то есть именно телесные признаки и особенности призваны представлять человека. Для христианской модели мира, напротив, характерно представление о *теле* как о чём-то внешнем, форме, наполненной содержанием (душой): “Тело – дом души, ее одеяние, ее орудие” [2. С. 38]. Т.В. Цивьян в статье “Отношение к себе и к своему

телу в русской модели мира" показывает, что в значении лексемы "тело" подчёркиваются противоположные свойства: внешняя форма (ограниченность) и заполненность, цельность тела и сложение его из разных частей [3].

В причётах чаще называются не тело в целом, а его части. *Очи ясные, брови черные, уста сахарные* входят в народную формулу красоты человека, их упоминание в причётах помогает созданию идеализированного образа умершего:

Вы раскройтесь, тонки саваны,
Размахнитесь, очи ясные,
Отожми-ка, лада милая,
Что свои да руки белые
От сердечушка ретивого!
Распечатай, лада милая,
Ты свои уста сахарные!
Уж ты встань да, лада милая,
На свои на резвы ноженьки,
Ты промолви, лада милая,
Ты со мной да с сиротинушкой
Хоть единое словечушко!.. [4. Ч. 2. С. 162].

Перечисление частей тела создает ощущение, что человек перестает существовать как целое, каждая часть его тела – только часть, служащая для того или иного действия. Просьба открыть глаза, поднять руку может содержаться как в "цельном" обращении к умершему (причитальщица просит родственнику открыть глаза, поднять руку и т.д.), так и в "дробном" (причитальщица обращается к глазам, рукам умершей, как к не выполняющим свое назначение предметам, отказавшим своей хозяйке): "Ой, откройтесь, ясны очи, / Ой, поднимитеся, рученьки..." [5. С. 29]. Разделенность частей тела в тексте соответствует потере их целостности (связанности) в жизни.

В мифологических системах и в народных сказках смерть часто предстает как растерзание. Следующее за этим воскрешение связано с собиранием частей тела в единое целое и наполнение его новой силой [6].

В диссертационном исследовании Ю.Н. Ильиной замечается, что тело человека представлено в причитаниях как "собрание воедино всех его частей, поскольку жизнь предполагает целостность организма. <...> Состояние умершего, напротив, понимается в традиционном сознании как состояние разделения, расчленения на те части, из которых он был создан во время творения" [7]. Смертельная неподвижность каждой части тела – возврат к природному, дожизненному состоянию. Ю.Н. Ильина также считает, что перечисление, верно организованная "опись" че-

ловеческого тела – это попытка собрать воедино человека и, тем самым, его оживить:

Ой тошнёшенько, да мне теперь, да мила лада,
Ой тошнёшенько, да надо битисе, убиватисе,
Ой тошнёшенько, да у твоих резвых ноженёк,
Ой-тошнёшенько, да у твоих белых рученёк!
Ой тошнёшенько, ты подыми брови чёрные,
Ой тошнёшенько, да ты взведи очи ясные,
Ой тошнёшенько, да отыми ручки белые,
Ой тошнёшенько, да от сердечка ретивого! [8. С. 134].

Перечисление частей тела объекта фольклорного текста связано с попыткой обрести над ним власть. В цитированных фрагментах причёты сближаются с заговорами (текстами понуждения, влияния). Глаголы *поднять, взвести, отнять* стоят в повелительном наклонении. А. Топорков отмечает, что “человеческое тело, фигурирующее в заговорах, разомкнуто, негомогенно, открыто для метаморфоз и для проникновения извне” [9].

В поминальных причётах причитальщица просит умершего открыть *глаза*, чтобы увидеть горе оставшихся родственников: “Ой, ведь ты открои-ко ясны очи, / Ой, дак подыми-ко черны брови, / Ой, дак погледи, лебедь белая, / Ой, ты на свою темну темницю...” [8. С. 112]. Наиболее частое словосочетание для обозначения глаз – *очи ясные*. Другой постоянный эпитет, встречающийся в причитаниях вологодской области, – *серые*: “Пооткройтесь очи серыё, / Порозмохнитесь ручки скорблыи”, “А ты роскрой-ко ты глазоньки, / Да ты роскрой-ко ты серыё” [10. Касс. 590, 569]. В материалах “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева встречаются примеры с прилагательным *мертвые*: “Подними-ко, мила лада, / Свои брови-то черные, / Ты сведи-ко, мила лада, / Свои очи-то мертвые...” [4. Ч. 3. С. 284]. Просьба *поднять брови* связана с возвращением зрения и отражает одно из значений древнерусской лексемы *бровь*: “веко, глаз”, “ресницы” [11].

Другая часть лица, выступающая как отдельный образ, – *уста сахарные*. Глаза и уста служат связью человека с миром. Как окна и двери отделяют дом от улицы, так глаза и уста человека представляют собой границу между его внутренним и внешним миром. Закрытость глаз отмечает недоступность умершему информации из внешнего мира, замкнутость уст – невозможность миру получить какие-либо сообщения от умершего.

В причётах встречается просьба *поднять (отвести, обрести) правую* руку: “Дак уж ты встань-ко родимая, / Дак подними ручку правую, / Дак обними сироти” [10. Касс. 123]; “Ох, ты отведи от сердя... (чика) / Ох, ты свою правую ру... (ченьку)” [8. С. 25] “О, э-те мене, да обери ручки

бе...елые / О, э-те мене, да от сердця-то рети...ивого / О, э-те мене, да сложи крес по-писа...альному / О, э-те мене, перекести лице бе...елое” [10. Касс. 830].

Также причитальщица просит родимую встать на *резвы ноженъки* и пойти:

Ой, уж ты стань-ко по-старому,
Ой, подымися по-прежнему,
Ой, да родимая мамушка,
Ой, на свой резвы ноженъки!
Ой, подай правую рученьку,
Ой, да сердшному дитятку,
Ой, да и мне, сиротиночке!
Ой, ты здорово ты, мамушка,
Ой, ты здорово, родимая,
Ой, да давно не видалися,
Ой, шибко мы стосковалися... [8. С. 90].

В русском фольклоре *ноги* наиболее часто предстают в диминутивных (ласкательно-уменьшительных) формах – *ноженъка*, *ножска*; постоянный эпитет *резвые*. В словаре “Славянские древности” *ноги* названы одной из наиболее мифологизированных частей тела, в частности, “символизируют движение (хождение) и путь”. Семантика хождения “актуализируется в ритуалах и верованиях, относящихся к смерти и похоронам” [12]. *Встать на ноги* значит здесь стать способным к передвижению, в частности, к преодолению границы миров, пути с *того света*. Дорога с погоста в деревню – конкретное выражение этого пути. “Ты пойдем-косу, ба... ой ...атюшко, ты / На родиму сторо... ой ...онушку!” [8. С 155]. Приход с кладбища в деревню не естествен для умершего и не может быть легким. Появляется образ костылей: “Что идет-то ведь ба... ой ...атюшко, дак / Он идет да шата... ой ...аетце, да / Костыльком подпира... ой ...аетце, да” [Там же].

Иногда умершую ставят на ноги два ангела: “Ой, подыните, два ангела, / Ой, да родимую сестрицу, / Ой, да на резвыё ноженъки!” [8. С. 97]. Это соответствует христианским представлениям о смерти. В причитаниях речь идет не о простом возвращении к жизни, а о посмертном воскресении души. “Она (душа), наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, то есть душа имеет и голову, и перси, и руки, и ноги, и очи, и уши – словом, все члены, как и тело” [2. С. 60].

Цельный образ *тела мертвого* присутствует в причётах, записанных в конце XIX – начале XX века в паре с образом сухого коренья, дерева (возникает психологический параллелизм): “От сухова деревця / Не живет отростельцея, / От тела-то мертвова / Не живет благословленьеца”

[13]. Иногда образ растения утрачивается: “Со тово свету белова / Не живет выхожденьца, / Что от тела от мертвова / Не живет благословеньеца” [14].

Молчание и неподвижность покойного подчеркиваются глаголами с отрицанием:

Ой, никогда не воротится,
Ой, не пройдет и не промелькнет,
Ой, не пройдет, не протопает,
Ой, по высокому терему!
Ой, не увижу я, горькая,
Ой, больше милую мамушку,
Ой, не услышу от мамушки,
Ой, ласкового словечика! [8. С. 96].

О, э-те мене, я не могла жё уви...идети,
О, э-те мене, свою любимую се...естрицу,
О, э-те мене, дак не сидит, не бисе...едуёт,
О, э-те мене, не говори, не сове...етуёт [10. Касс. 836].

Причитательница перечисляет части человеческого тела, прося жизнь вернуться в них:

Уж ты стань да, добрый молодец,
Возьми в лёгки-печени взыханьице,
В резвы ноженъки хожаньице,
В белы рученьки маханьице [10. Касс. 015].

Возьми в руки да носеньцио,
В резвы ноги да хожденьцио,
В уста алые – говореньцио [10. Касс. 496].

Ты возьми, моя голубушка,
Во ясные очи гляденьице,
Во уста говореньице... [4. С. 164].

Способность человека дышать, смотреть, двигаться представляется чем-то существующим отдельно от частей его тела, об этом говорят соответствующие отглагольные существительные: *вздыханьице*, *хожданьице*, *хожденьцио*, *маханьице*, *носеньцио*, *говореньцио*. Макарий Великий так описывал “тонкое тело” души: “Душа – тело тончайшее, окружается и одевается членами тела внешнего. Надевает око – им и смотрит, надевает ухо – им и слышит, руки, ноздри и, просто говоря, все члены тела приемлет и соединяется со всеми душа” [2. С. 56–57].

В будущем времени (*не воротится, не протопает*) говорится о движении-перелете души-птицы (*голубушки*) из дома в могилу. Действия,

“живущие” в теле, в каждой его части, покидают умершего вместе с душой, улетающей в образе птицы.

Невозможно привыкнуть к смерти, и оплакиваемая кажется спящей. Два образа – умершей и уснувшей – создаются параллельно. С одной стороны, *умиральное платьице*, недвижимость тела, закрытые глаза, *прижатые брови*, с другой – присутствующее в отрицательных конструкциях *цветное платье, ясные очи, поднятые брови*. *Белизна* тела – традиционная народно-поэтическая формула красоты. Но красота эта все-таки смертная – определение *румяный* присутствует только в отрицательной конструкции: “О, э-те мене, дак не бодро нареди...иласе, / О, э-те мене, дак личико не румя...яноё, / О, э-те мене, дак на ей всё умира...альноё” [10. Касс. 836]; “Собралась да наладилась / Не в платьё-то венчальноё, / В самое-то печальноё” [5. С. 28]. Противопоставляются праздничный и похоронный наряды. Похороны, как и свадьба, – обряд инициации, но в отличие от нее – последний в жизненном цикле. Он не содержит в себе рождения в новой социальной роли, поэтому самый печальный в этом ряду.

Описанию неподвижного тела сопутствует описание его наряда. *Умиральное платьице* – первый “сигнал” к тому, что в этом теле уже нет души. Параллель тела и одежды развивается в следующем фрагменте поминального причёта:

Как на эту пору-времечко,
Как за эти три неделенки
У тебя, сударонь-мамонька,
Платьице да привалялосе,
Телушко поизмаралосе... [15].

В этих строках не только воображаемая картина тления, но и мифологический подтекст. Измятое платье – показатель тяжести дороги между тем и этим светом, странничества вообще. Странник, не принадлежащий никакому дому, имеет изношенные одежды, как и гостья-матушка, странствующая между миром живых и миром мертвых. В христианстве тело и платье связаны на образном уровне: “После падения и при изгнании из рая человеку даны были одежды кожаные” (Быт. 3, 21), тогда, говорит святой Иоанн Дамаскин, “он облекся в смертность, или в смертную грубую плоть, что означают кожаные ризы” [2. С. 53].

В обряде новое платье – важный, неопровергимый знак нового состояния. В похоронных плачах *умиральное платьице* – первое, что замечает причитальщица, видя умершую. *Подруженька* одета в “скруту-платье нецветное”, “платьице умиральное” [10. Касс. 830]. Прямое наименование одежды покойного – *саван* – также может встречаться в причитаниях: “Вы раскройтесь, тонки саваны, / Размахнитесь, очи яс-

ныя...” [4. С. 162]. “Ой, да ты роскройси да гробова доска. / А да размакнис(и)-ко ты бел да тонкой саван” [16].

В соседстве с описанием платья-савана и мертвого тела появляется образ птицы. Неподвижность тела – одно из приготовлений к переходу на тот свет, обретение душой нового, птичьего облика – другое. Причем птичье и человечье в образе умершего едино:

Тут лежит да наряжена
Сизая-то голубушка,
Да милая-то подруженька,
На ней платье не цветное,
Да платьице умиральное,
Сложа руцки-те белые
Да ко серцу-ту ретивому.
Прижала брови те серые,
Закрыла очи-те ясные,
Сизая ты голубушка,
Милая ты подруженька,
Да ты куда же срядилася,
Ты куда нарядилася?
Навела себе перьице,
Да приотrostила крыльышка [10. Касс. 829].

Обретение птичьей одежды – способ перехода на “тот свет”. Вместо человеческого тела – рук, ног, *легких-печени* – у души появляется “птичье” тело – крылья и перья, необходимые для пути на небеса.

Литература

1. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1999. Вып. 8. С. 71.
2. Брянчанинов И. Жизнь и смерть. Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2007.
3. Цивьян Т.В. Отношение к себе и своему телу в русской модели мира // Тело в русской культуре: сб. статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М., 2005. С. 40–41.
4. Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Вологодская губерния. СПб., 2007. Т. 5.
5. Никольские песни, записанные в Никольском р-не Вологодской обл. М. – Л., 1975. С. 29.
6. Мифы народов мира. М., 2000. Т. 1. С. 568–570. Т. 2. С. 262–264, 267–268.
7. Ильина Ю.Н. Севернорусские похоронно-поминальные причинения: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 118–119.

8. Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть. М., 1980.
9. Топорков А. Символика тела в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Тело в русской культуре... С. 132.
10. Фонд фольклорно-этнографических материалов при ГОУ ДОД “Вологодский областной детско-юношеский центр традиционной народной культуры”. Вологда, 1998–2009. Указ. номер кассеты.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1.
12. Агапкина Т.А., Виноградова Л.И. Нога // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 422, 425.
13. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 782.
14. Малевинский Ф. Народные песни Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1912.
15. Мехнецов А.М. Традиционные формы похоронно-поминальной обряд-ности (поминальные, “урочные дни”) – по результатам экспедиций 1992–2000 гг. в Вологодскую и Смоленскую области // Народная традиционная культура и современность: Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2004. С. 99.
16. Календарные обряды и фольклор Устюженского района. Вологда, 2004. С. 97.

Вологда